

САРАТОВСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

САРАТОВСКАЯ ЕПАРХИАЛЬНАЯ БИБЛИОТЕКА

1-го октября

№ 19.

1870 года.

ОТДѢЛЪ НЕОФФИЦІАЛЬНЫЙ.

НЕКРОЛОГЪ.

(О. Протоіерей Матѣй Максимовичъ Алонзовъ.)

Въ г. Петровскѣ 13 апрѣля сего года, на второй день Св. Пасхи, скончался отъ тяжелой болѣзни, Протоіерей Матѣй Максимовичъ Алонзовъ на 69-мъ году своей жизни. Долговременною и много—полезною службою на разныхъ поприщахъ, при прекрасныхъ качествахъ души, онъ приобрѣлъ себѣ довольно обширную и почетную извѣстность, и по праву можетъ стать въ ряду почетнѣйшихъ лицъ Духовнаго званія. Почему же, какъ сослужитель его, вмѣняю себѣ въ пріятный долгъ и непремѣнную обязанность сообщить біографію этого общелюбимаго и общепочитаемаго человѣка, славно прешедшаго свое земное поприще, и оставившаго о себѣ память съ похвалами.

Матѣй Максимовичъ родился въ началѣ нынѣшняго столѣтія, Пензенской губерніи, Краснослободскаго уѣзда, въ селѣ Пурдошки, гдѣ отецъ его, Максимъ Ивановъ, былъ пономаремъ. Занимая не высокую и бѣдную должность, Максимъ Ивановъ, пользуясь отъ природы крѣпкими силами, потовымъ трудомъ добывалъ насущное пропитаніе для своего семейства,—сѣялъ хлѣбъ, гналъ смолу,

имѣлъ мельницу, и потому былъ причетникъ не бѣдный. Отецъ постоянно былъ занятъ работами, мать была также болѣзненная женщина, что ей было только впору до себя, и сынъ ихъ Матѣй росъ не только безъ всякихъ правилъ воспитанія, но почти и безъ надзора, до десятилѣтняго возраста. Вслѣдствіе этого, само собою подвергался онъ многоразличнымъ бѣдамъ и приключеніямъ, свойственнымъ этому возрасту; «однажды, онъ говорилъ, совершенно было утонуть, — только ужъ Богъ спасъ». Наконецъ отецъ, видя безпризорность сына, рѣшилъ брать его вездѣ съ собою, что-бы имѣть надъ нимъ надзоръ. И вотъ десятилѣтній Мотя съ своимъ отцомъ, какъ говорится, въ огонь и въ воду; — ночуетъ съ нимъ въ полѣ, часто подъ проливнымъ дождемъ, подъ свистомъ бури, подъ раскатами грома, весь мокрый, дрожа, и отъ страха трепеща всѣмъ тѣломъ, прижимается къ груди могучаго отца своего. Зимой ѣдетъ въ поле за сѣномъ и въ лѣсъ за дровами; претерпѣвши морозъ и вьюгу, бѣдный ребенокъ намокнетъ, иззябнетъ, — «ничего, говоритъ отецъ, «здоровѣе будетъ.» Однажды взялъ его съ собою на смоляную яму, и когда Мотя захотѣлъ спать, отецъ уложилъ его на землѣ противъ горна, — тутъ, говоритъ, теплѣе, а самъ затопилъ горнъ, началъ свое производство — гнать смолу. Ребенокъ какъ-то просыпается ночью, и, взглянувъ на пламенѣющій горнъ и на высоко поднимающійся подъ нимъ дымъ, просто обезумѣлъ, и долго не могъ придти въ себя. Этотъ случай, онъ говорилъ, такъ поразило его, что въ продолженіи нѣсколькихъ лѣтъ, часто во снѣ представлялась ему эта картина, — онъ вскакивалъ, и говорилъ зря.

Такъ, и подъ надзоромъ рабочаго отца, воспитаніе Моти было не лучше, если только не хуже. Столь суровое и

неправильное воспитаніе вредно вліяло на его умственное развитие и особенно на физическое здоровье. Его молодая натура не закалилась въ борьбѣ съ стихіями, а сильно подалась отъ нихъ; съ того времени, говорилъ онъ, чувствовалъ слабость груди и до конца жизни выносилъ грудной катарръ.

Приготовивъ сына на мѣдные гроши, отецъ везетъ его включать въ Пензенское Духовн. училище. — Включилъ, помѣстилъ на квартирѣ; дать ему десять рублей ассигнаціями на все годовое житье — бытъ и отправляется покойно восвояси. Конечно, этой суммы сыну не становится и на полгода; занимаетъ онъ у хозяйки, у товарищей, снова у хозяйки, — та ужъ не даетъ, у товарищей — и у тѣхъ ужъ нѣтъ. Ищетъ попутчиковъ сослать письмо къ отцу съ просьбою денегъ, когда-то ихъ еще найдетъ, — родина его отъ Пензы 200 верстъ; наконецъ отецъ получаетъ письмо, и посылку отлагаетъ до первой встрѣтившейся оказіи, — по почтѣ — какъ можно?! Между тѣмъ бѣдный Мотя терпитъ голодъ и холодъ; въ бурсу не принимаютъ, какъ сына причетника не многосемейнаго и притомъ состоятельнаго. Наконецъ, съ первой встрѣтившеюся оказіей, отецъ высылаетъ ему, насколько? Цѣлковый, много — талеръ, чего не становится ему не только на докрытіе нуждъ, но и на половину уплаты долговъ. Рассказывая объ этомъ, покойный приговаривалъ «что ты хочешь, то и дѣлай». Приходитъ вакать, идетъ домой цѣпкомъ, приходитъ изнуренный, босой и полуногой. Проходитъ вакать, отецъ отправляетъ своего Мотю въ Пензу и съ такою же суммою денегъ. «Да вѣдь этого мало, бывало, говорить, скажешь отцу». Какъ мало?! мы дома всѣ въ цѣлый годъ столько не израсходуемъ, а ты одинъ тамъ столько проживаешь». И отправится бѣдняга горе мыкать опять годъ» —

годянски. Такъ онъ бѣдствовалъ, по милости отца, въ продолженіи всего училищнаго курса; но ученикъ онъ былъ даровитый, и шолъ въ первыхъ. При переходѣ въ Семинарію, онъ лишился матери, и вмѣсто ея въ дому заступила бабушка (мать отца), женщина, говорилъ онъ, умная и добрая; бывало, говоритъ, возьметъ у отца дѣлкомъ и тихонько дастъ или пришлетъ мнѣ. Впрочемъ покойный не винилъ отца за скудость своего воспитанія, «такой, говорилъ онъ, «былъ взглядъ тогдашнихъ отцовъ на воспитаніе, работу они считали дѣломъ настоящимъ, а ученье—чли почти дѣломъ бездѣльнымъ. Однажды, какъ-то на вакачъ, бабушка говоритъ отцу: Максимъ! Давай возьмемъ Мотю изъ ученья, онъ ужъ годится въ дьячки, у насъ же въ селѣ теперь дьячка нѣтъ, — похлопочи».... Петрогъ его учится, тотъ однако отвѣчаетъ»; а когда такъ, говоритъ ему мать, такъ не мучь парня, — не жалѣй давать ему на содержаніе, ты смотри, какъ тамъ онъ колотится, или ты бѣдный?... Эта рѣчь глубоко подѣйствовала на отца, и быть Матѣѣ Максимовича въ Семинаріи уллучился на столько, покрайнѣй мѣрѣ, что онъ не сталъ нуждаться, даже спать былъ ему нанговыи сюртукъ, вмѣсто прежняго импровизированнаго халата. Съ удовольствіемъ покойникъ воспоминалъ, бывало о простомъ времени своего воспитанія въ Семинаріи; съ любовью воспоминалъ о начальникахъ своихъ, наставникахъ и товарищахъ.

Кончивши курсъ Семинаріи со степенью студента, Матѣѣ Максимовичъ, въ 1826-мъ году, Пензенскимъ Семинарскимъ Правленіемъ, съ утвержденія Преосвященнаго Ириней, опредѣленъ былъ учителемъ въ Петровское Духовное училище. Жизнь холостая, на свободѣ, при достаточныхъ, по тому времени, средствахъ, была для него вре-

менемъ отдыха; онъ поправился здоровьемъ, и запасся силами для дальнѣйшей много-трудной своей жизни. Въ 1833-мъ году онъ женился на дочери одного управляющаго господскимъ имѣніемъ, и въ томъ же году, первымъ Саратовскимъ Преосвященнымъ Моисеемъ, рукоположенъ былъ во Священника къ Петровской Никольской церкви, съ оставленіемъ за нимъ должности учителя. Благосостояніе его, при двухъ должностяхъ, улучшилось, онъ построилъ себѣ домъ и жизнь его потекла тихо и мирно. Прихожане и все городское общество полюбили его, какъ кроткаго и добраго Священника, дворяне интересовались имѣть его у себя домашнимъ учителемъ.

Въ 1836 году, по волѣ Преосвященнаго Іакова, Матвѣи Максимовичъ былъ перемѣщенъ въ Кузнецкій Покровскій соборъ, на вакансію Священника. Въ томъ-же году, указомъ Саратов. Дух. Консисторіи, предоставлено было ему завѣдываніе дѣлами Благочинія, Благочиннаго Протоіерея Діаконова, за частыми отлучками послѣдняго по дѣламъ миссій; въ томъ-же году опредѣленъ Присутствующимъ въ Кузнецкомъ Духовномъ Правленіи, и вскорѣ—Законоучителемъ въ Приходскомъ училищѣ. Будучи отъ природы безотвѣтенъ и трудолюбивъ, онъ покорился волѣ Начальства и принялъ на себя эти должности, требующія не малыхъ трудовъ, но никакого вознагражденія за труды не дающія, и выполнилъ ихъ съ рѣдкимъ усердіемъ и умѣньемъ. Въ новомъ городѣ этотъ человѣкъ вскорѣ былъ узнавъ. Первоначально почему-то не милостиво, какъ онъ говорилъ, принятый мѣстнымъ Протоіереемъ, вскорѣ сдѣлался его другомъ и собесѣдникомъ. Будучи вполне почтителенъ къ высшимъ, равнымъ и низшимъ себя, всѣмъ онъ былъ искренній другъ, помощникъ и готовый на всякія услуги, и потому всѣми

сословіями города былъ любимъ и уважаемъ. Для прихожанъ, при примѣрной Пастырской жизни, былъ онъ отцомъ, въ полномъ смыслѣ этого слова; обовсемъ этомъ свидѣтельствуесть то, что вотъ ужъ болѣе 20-ти лѣтъ, какъ его нѣтъ въ Кузнецкѣ, но память о Матѣѣ Максимовичѣ тамъ и доселѣ живетъ, какъ о самой свѣтлой личности.

Прожилъ онъ такъ образомъ въ г. Кузнецкѣ лѣтъ 10, а всего на должности болѣе 20-ти; товарищи и младшіе его получали ужъ кто скуфьи, кто камилавки; но нашъ смиренный труженикъ не имѣлъ, и не искалъ себѣ ни платы за труды, ни награды. Но Господь, Богъ, испытавъ его терпѣніе, призрѣлъ, наконецъ, на смиреніе раба своего. Свѣтское Начальство благодарило его за полезныя труды по училищу. — Преосвященный Аѳанасій, умѣвшій цѣнить таланты, изъ дѣлъ Духов. Правленія и отчетовъ Благочинническихъ лично усмотрѣвъ терпѣливый трудъ и достойный талантъ Матѣя Максимовича, при первой открывшейся вакансіи, въ 1848 году октября 1-го, посвящаетъ его въ санъ штатнаго Протоіерея, въ знакомый ему городъ Петровскъ. И не ошибся предусмотрительный Владыка, — это избраніе дѣлаесть ему честь. При поступленіи своемъ, онъ въ Петропавловскомъ соборѣ сказалъ Слово, темою которою были слова Христа Спасителя: *миръ оставляю вамъ; миръ Мой даю вамъ*; — и вѣренъ былъ онъ этой темѣ послѣ, до конца своей жизни. Съ возведеніемъ въ санъ Протоіерея, не покой ждалъ Матѣя Максимовича, но удвоенный трудъ. Въ томъ же году, Преосвященнымъ Аѳанасіемъ онъ утвержденъ Первоприсутствующимъ въ Петровскомъ Духовномъ Правленіи, въ слѣдующемъ году Благочиннымъ Петровскихъ градскихъ церквей, и въ томъ же (1849) году

былъ награжденъ скуфьею Въ слѣдующемъ 1850 году опредѣленъ Членомъ оспеннаго комитета и цензоромъ проповѣдей, и по представленію Преосвященнаго Аеанасія, утвержденъ Святѣйшимъ Синодомъ въ должности штатнаго Смотрителя Петровскаго Духовнаго училища. Въ 1852-мъ году награжденъ камиловкою, а въ 1855-мъ году былъ Высочайше утвержденъ Директоромъ Петровскаго тюремнаго отдѣленія и временно исправлялъ должность Настоятеля въ Петровскомъ мужскомъ монастырѣ.

Но среди такихъ повышеній и наградъ, Промыслу угодно было посѣтить Матѣ. Максимовича великимъ испытаніемъ.—1852 года лишился онъ своей горячо—любимой супруги; проживши не мало лѣтъ, они не имѣли дѣтей. Умирающая супруга поручила ему воспитать двоюродную ея племянницу. Исполнивъ порученіе супруги, онъ выдалъ свою воспитанницу замужъ за діакона Петровской Троицкой церкви, котораго принялъ жить къ себѣ въ домъ. Эта почтительная чета и составляла семью покойнаго; они, доконца жизни, его покоили въ отношеніи дома и хозяйства, и честно похоронили его. «Въ виду многихъ не нравственно воспитывающихся и воспитавшихся дѣтей, говорилъ онъ, я и не жалѣю, что у меня нѣтъ ихъ».

Во время его Протоіерейства, неоднократно навѣщаль его отецъ.—Старикъ пріѣдетъ, бывало, съ попутчиками, поживетъ, поглядитъ на сына,—порадуется, но скоро сучаль видя сына постоянно или на должности, или работающимъ за письменнымъ столомъ. Начиналъ вспоминать о своихъ поляхъ и смоляныхъ ямахъ, срядитъ, бывало, ему Матѣ. Мак. лошадь съ упряжкой, дастъ на дорогу довольно денегъ, и старикъ отправится къ своимъ мирнымъ занятіямъ.

Оплакавъ кончину своей супруги, Мате. Макс. снова преда-
 лся своимъ трудамъ и обширнымъ занятіямъ. Трудъ и
 молитва были предметомъ его жизни. «Ни въ чемъ не
 нахожу я, онъ говаривалъ, истиннаго удовольствія и чи-
 стой радости, какъ только когда усердно молюсь». *Но*
много можетъ молитва... Съ помощію ея, при своемъ
 высокомъ умѣ, съ все-цѣлою преданностію дѣлу, Мате. Макс-
 имовичъ доблестно проходилъ всѣ возложенныя на него
 должности, при всей ихъ сложности и многотрудности. — Въ
 1851-мъ году, Казанское окружное Академическое
 Правленіе прислало ему свою благодарность, вмѣстѣ съ
 денежною наградою, за усердное и полезное исправленіе
 должности Смотрителя въ Петров. Дух. Училищѣ. По
 случаю ревизіи сего училища, въ 1853 году Саратовское
 Семинарское Правленіе, съ утвержденія Преосвященнаго,
 за то же благодарило его; то же Правленіе, и за то же, сно-
 ва прислало ему свою благодарность въ 1858 году. Въ
 семь же году онъ награжденъ былъ наперстнымъ крестомъ
 въ награду 27 лѣтняго служенія въ долж-
 ности Благочиннаго, Всемилоствѣйше сопричисленъ былъ
 къ ордену Св. Анны 3-й степени, въ 1870 году ко 2-й
 степени Св. Анны; но смерть его лишила насъ удовольст-
 вія видѣть на немъ этотъ почетный орденъ.
 Когда Начальство благодарило и достойно награждало
 Мате. Максимовича, все Городское и окружное Духовен-
 ство, отъ — мала и до велика, осыпало его поздравленіями
 и благожеланіями. По авторитету Протоіерея, Первопри-
 сутствующаго въ Дух. Правленіи, Благочиннаго, Строи-
 теля въ Дух. училищѣ и проч. онъ имѣлъ сильную власть
 и большое вліяніе на все Духовенство цѣлаго края. Но
 иго его власти для Духовенства, было благо и бремя его
 вліянія было легко.

Изъ бѣднаго пономарскаго сына ставши столь знатною и вліятельною личностію, онъ и тѣни гордости не имѣлъ; но *елико великъ становился, толико смирялся*. Отъ Благочиннаго, до вдовы пономарицы и юнаго ученика, все и завсѣмъ шло къ доброму Матѣ Максимовичу, и всѣмъ у него были честь и мѣсто, привѣтъ и ласки. Вокругъ него кипѣла жизнь Духовенства, которое стремилось къ нему, какъ радіусы къ своему центру. Все слушало и слушалось тона его, — и тонъ этотъ былъ тонъ мира, любви, правды и порядка. Будучи Начальникомъ, онъ былъ все для Духовенства — Отецъ, совѣтникъ, защитникъ, наставникъ, собесѣдникъ, — словомъ, *всѣмъ былъ вся*. Это былъ для Духовенства, какъ богатая сокровищница, изъ которой оно пользовалось всѣмъ, кто въ чемъ нуждался. По преимуществу онъ владѣлъ, съ неподрожаемымъ умѣньемъ, двумя способностями: — заставить исполнять требованія закона и порядка *не за гнѣвъ, а за совесть*, и миротворить почти не возможное. Миротворя другихъ, самъ онъ никогда ни съ кѣмъ не враждовалъ, имѣя терпѣніе *Товле* и характеръ всепрощающій. Случалось видѣть его иногда оскорбленнымъ; оскорбитель мучится совѣстію, бѣгаетъ встрѣчи съ нимъ; но едва завидитъ, бывало, его Матѣй Максимовичъ, самъ шуточно или ласково заговариваетъ съ нимъ, — и, какъ будто ничего небывало. Такъ онъ поступалъ и въ отношеніи даже причетниковъ, за что нѣкоторые хотѣли видѣть въ немъ слабость Илія. Если вынуждался сдѣлать кому либо выговоръ, то его дѣлалъ такъ деликатно, съ отсутствіемъ начальственнаго тона, дружески, отечески, и потому выговоры и внушенія его были вѣски и дѣйствующи. Вслѣдствіе этого свойства, онъ, какъ цензоръ проповѣдей, не любилъ безпощадныхъ порицателей и об-

личителей—проповѣдниковъ; имъ онъ всегда указывалъ на примѣръ Пророка Наана, такъ осторожно начинающаго свое обличеніе Давиду,

Матѣй Максимовичъ самъ, почему-то, не говорилъ проповѣдей съ церковной кафедры, но любилъ онъ всякимъ случаемъ пользоваться побесѣдовать о вѣрѣ и нравственности, уча и вразумляя, и какъ слово его было растворено солю любви, то было живо и дѣйственно; онъ обратилъ словомъ убѣжденія нѣсколько раскольниковъ въ г. Кузнецкѣ. Вотъ, на пр. случай, какъ слово его подѣйствовало къ обращенію одного раскольника. — Одинъ расколочитель, житель, зонъ говорилъ, изъ села Лопатина, прошедши всѣ тогдашнія степени увѣщанія, присланъ и былъ на увѣщаніе еще въ Петров. Дух. Правленіе. «Много тебѣ говорено, любезный старичекъ, говорить ему Матѣ Максимовичъ, и много ты слышалъ увѣщаній; прежде чѣмъ мнѣ начать съ тобою бесѣду, я тебя объ одномъ прошу: иди ты на свою квартиру, стань и усердно помолись предъ Спасителемъ, чтобы Онъ — Свѣтъ истинный, Самъ просвѣтилъ тьму твоего невѣдѣнія, и показалъ тебѣ путь истинный». Старикъ почтительно поклонился и ушелъ. Это было въ субботу, въ часы Присутствія. Вечеромъ, отслуживши всенощную, Матѣ Макс., идя по церкви, неожиданно видитъ того раскольника просящимъ его благословенія. «Ты-ли это старикъ, и какъ ты здѣсь»? Ублагословивши спрашиваетъ его М. Максимовичъ. «Я! — Вы мнѣ велѣли помолиться-то; слово ваше пало мнѣ на сердце, и я въ раздумьи шелъ вотъ мимо собора: взглянулъ, двери въ него отворены, мнѣ что-то захотѣлось войти въ него, дай, моль, тамъ пойду помолюсь: вошелъ, сердце мое закипѣло, и я палъ предъ Спасителемъ и плакалъ; выходя изъ церкви, дурь съ меня спала, и я охотно

обращаюсь къ Св. Матери Церкви».

Но не любилъ Матѣ. Макс. и метать бисеръ *предъ свиніями*, да не попрутъ ея ногами своими. Одному Священнику, бывшему съ нимъ вмѣстѣ въ одномъ дворянскомъ домѣ, и вступившему тамъ въ жаркое преніе о постахъ, по выходѣ изъ дома онъ замѣтилъ: «съ дворянами толковать о постахъ, — что съ раскольниками о крестѣ (перстосложеніи)».

Столь высокія качества и прекрасныя отношенія ко всѣмъ покойнаго Протоіерея, очевидно отсюду вызывали къ нему любовь, глубокое уваженіе и полное довѣріе. Дважды онъ баллотировемъ былъ въ должность Благочиннаго и въ оба раза не имѣлъ ни одного чернаго шара. При первой баллотировкѣ онъ почтенъ былъ рѣчью, сказанною ему лично въ церкви, въ присутствіи всего Градскаго Духовенства. Въ этой рѣчи, между прочимъ, говорилось ему: «настоящее обстоятельство доставляетъ намъ удобный случай изъявить вамъ чувства искренней признательности за ваше долговременное и доброе управленіе. Вѣдаетъ Богъ, но знаемъ и мы, что конечною цѣлію вашего управленія было видѣть среди насъ миръ, любовь и порядокъ. Никогда не видѣли мы въ васъ начальственной надмѣнности, охлаждающей любовь и довѣріе подчиненныхъ; но всегда кроткаго отца и любящаго друга... Честь этого избранія въ средѣ нашей достойно и праведно принадлежитъ вамъ, почтеннѣйшій О. Протоіерей» и проч. (*).

По наружности О. Протоіерей вообще былъ старецъ благолѣпный, — ростъ его былъ выше средняго, волосы на головѣ русые, борода средняя въ просѣдъ, выраженіе

(*) Рѣчь эта отпечатована въ Сарат. Епарх. Вѣдомост. за 1865 въ № 16-мъ.

лица кроткое, симпатичное, былъ очень любобобщителенъ, особенно съ Священниками, и пріятный собесѣдникъ; одежда его была не выше крайняго приличія, но единственная его страсть была — жить въ хорошемъ и чистомъ домѣ. «Въ не большихъ комнатахъ, по моему здоровью, говорилъ онъ, мнѣ душно».

Приближаясь къ старости, и чувствуя измѣну силъ, покойный О. Протоіерей свои должности одну за другою началъ слагать съ себя, какъ бы выражая тѣмъ слова Давида: *въ трудѣхъ отъ юности моя... смирихся и изнемогахъ.*

За два года до смерти, О. Протоіерей началъ чувствовать признаки водяной, — стали опухать у него ноги и животъ. Прошлой весной (1869 г.) надо было еще случиться такой бѣдѣ, — Нужно ему осмотрѣть свое надворное строеніе, поставленное на крутомъ берегу рѣки; М. М. сошедши до пол-берега, по каменнымъ ступенямъ, едва онъ обернулся, что бы посмотрѣть постройки, какъ камень подъ нимъ повернулся, и старикъ упалъ подъ гору. Поднятый, — оказалось, расшибъ онъ себѣ лѣвый бокъ и руку. Этотъ случай усилилъ его болѣзнь. Великимъ постомъ съ трудомъ онъ могъ ходить и сидѣть. Бѣ Вел. Четвергъ пригласивъ къ себѣ одного Соборнаго Священника, рассказывалъ ему: «нынѣ ночью мнѣ почувствовалось, какъ обручъ лопнулъ въ головѣ у меня, со мною страшныя перемѣны, вѣрно пришло время!.... Прошу васъ, отслужите въ В. Субботу раннюю обѣдню, и принесите мнѣ Св. Чашу, — я желаю приобщиться». Въ В. Субботу, послѣ ранней Литургіи, принесена была въ домъ его Св. Чаша Тѣла и Крови Христовыхъ. Онъ, исповѣдавшись, всталъ, и поддерживаемый, прочелъ: *вѣрую Господи... Приобщился Св. Таинъ, и опускаясь въ кресло,*

произнесъ: теперь... *совершилася!* Ночью, едва слышалъ благовѣсть къ утрени Св. Пасхи, велѣлъ одѣть себя въ шелковые—подрясникъ и ряску, расчесать себѣ волосы, и въ креслѣ подвести себя къ растворенному огню, и въ продолженіе всей утрени, глядѣлъ на иллюминированный Соборъ и молился. Смотри на ходъ крутомъ церкви съ Плащаницею, со вздохомъ проговорилъ: «какъ мнѣ грустно, что я не участвую, и это со мною первый разъ въ жизни»!... Послѣ обѣдни пригласилъ къ себѣ всю Соборную свою братію пропѣть Пасху, и, какъ бывало, вмѣстѣ разговѣться. (*).

Радость свѣтлаго праздника отравлялась въ насъ не удержимою грустью, при видѣ нашего Отца и старѣйшаго Собрата, стоящаго уже одною ногою въ могилѣ, и дающаго намъ свое послѣднее, какъ видѣлось, цѣлованіе съ словами — Христосъ воскресе! Къ вечеру силы его оставили; въ 12-ть часовъ онъ пожелалъ что-бы совершенно было надъ нимъ Таинство Елеосвященія, которое тотъ часъ же и было совершено надъ нимъ двумя Священниками. Во время совершенія Таинства, замѣтно было, что сознаніе его оставляло, и жизнь гасла. Вскорѣ—въ 4 часа утра втораго дня Св. Пасхи, тихо и мирно духъ свой предалъ онъ въ руки Божіи. Заунывный звонъ Соборнаго колокола возвѣстилъ городу о кончинѣ общелюбимаго О. Протоіерея. Въ продолженіи трехъ сутокъ, домъ, гдѣ лежалъ почившій, полонъ былъ молящихся. Въ среду Святой Недѣли, гробъ съ тѣломъ покойнаго, руками Свя-

(*) Покойный въ посты никогда не употреблялъ скоромной пищи даже и въ болѣзни, не смотря на совѣты Докторовъ. «Могу ли я рѣшиться на это, говорилъ онъ, если этого не дозволилъ я себѣ во всю мою жизнь?»

щенниковъ взять былъ, и внесень въ Соборный храмъ. Стеченіе народа было безпримѣрное. Прибыли къ погребенію изъ окрестныхъ сель и деревень; Соборный храмъ и половины не вмѣщаль молящихся: при гробѣ едва Полиція могла поддерживать порядокъ. По Литургіи, всѣмъ городскимъ Духовенствомъ былъ совершенъ чинъ погребенія, и однимъ изъ Священниковъ произнесена надгробная рѣчь. Наконецъ, при звонѣ колоколовъ Градскихъ церквей, всѣмъ Градскимъ Духовенствомъ и гражданами г. Петровска, земныя останки покойнаго сопровождаемы были до мѣста ихъ покоя.

Такъ сошелъ съ земнаго поприща мужъ благъ и Пастырь добрый! Его много--трудная и строгая жизнь по вѣрѣ Православной и христіанской любви; и его мирная христіанская кончина и притомъ въ свѣтлый день въ Св Пасхи, скорбь нашу о разлукѣ съ нимъ, растворяють отрадною надеждою, что *душа его во блажихъ водворится.*

Миръ праху твоему, добрый Отець и другъ нашъ! Со Святыми покой душѣ твоей на небѣ, а наземлѣ да будетъ тебѣ вѣчная память!

Соборной церкви Священникъ *Геннадій Дроздовъ.*

1870 г. іюля 28 д.